

зывать в общих чертах те своеобразные черты данной канцелярской формы, которые в значительной степени подготовили и обусловили жанр и стиль Поэтической повести об Азове.

Войсковые отписки, документально выражавшие внешнюю политику Войска Донского, излагались всегда от имени всего Войска в первом лице — „мы, казаки...“ Этот способ изложения, сочетавшийся с достаточно свободным и „политичным“ отбором, освещением и риторическим украшением желательных для Войска фактов, усиливал в документе тон повествовательности, придавая ему характер как бы непосредственного коллективного рассказа. Эта черта отписок, как мы уже упоминали, легла в основу жанровой формы Поэтической повести. В деле использования содержания и особенностей стиля документов войсковой канцелярии, наша повесть имела своих литературных предшественников. Таковыми были возникшие в казачьей среде Историческая повесть об азовском взятии и, частично, Особая повесть об Азове.

Особая повесть, детально исследованная А. С. Орловым, большого литературного интереса не представляет. Для нас она выполняет только служебную роль одного из показателей той литературной культуры на Дону, в которой возникла и Поэтическая повесть. Историческая повесть значительно интереснее. Справедливо отмечая, что изложение казачьих документов в общем „весьма напоминало обычные воинские повести“, А. С. Орлов характеризует далее условия возникновения этой повести. „Вот в таком типе, — пишет он, — была записана в документах и история казачьих подвигов о взятии Азова в 1637 г., об осадном сидении в 1641 г. Повесть о взятии Азова, вероятно, создавалась на месте, в самой донской канцелярии, войсковым подъячим, сочинителем «отписок» о событии, притом образованным книжником“.¹ Сопоставление стиля Исторической повести с традицией воинских повестей произведено было А. С. Орловым,² сравнение же ее с войсковой отпиской о взятии Азова не предпринималось. Для того, чтобы характеризовать жанр и стиль войсковых отписок, выберем в качестве типичного образца именно эту отписку и сравним некоторые ее эпизоды с текстом Исторической повести.

Войсковая отписка от 3 декабря 1637 г.³ говорила о событиях большой важности: казаки взяли Азов и, кроме того, убили турецкого посла Фому Кантакузена. Эти действия были совершенно неожиданными для московского правительства и серьезно его встревожили, так как могли послужить достаточным поводом для войны Турции против России.⁴ Казаки вполне сознавали, конечно, всю политическую значительность содеянного

¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI веков, стр. 330.

² А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902, стр. 1—46.

³ Первая отписка о взятии Азова не сохранилась, но сохранился ответ на нее — царская грамота от 20 сент. 1637 г. Цитируемая нами отписка является ответом на эту грамоту и вторично докладывает о том же, о чем сообщалось в первой отписке.

⁴ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 43—53 (МГУ, Уч. зап., вып. 94, 1946).